ЦЕНТРПОЛИГРАФ
HARLEQUIN
ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН
Луиза Аллен
ЛОРД
И СВОЕВОЛЬНАЯ
МОДИСТКА

Луиза Аллен

Лорд и своевольная модистка

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=637865
Лорд и своевольная модистка: Центрполиграф; М.:; 2011
ISBN 978-5-227-02832-7

Аннотация

Модистка Нелл Латам попала в очень неприятную ситуацию. В посылке, которую она доставила графу Нарборо, оказалась шелковая веревка. Это был знак – на таких вешали благородных людей. Много лет назад погибли два друга графа, и теперь таинственный недоброжелатель намекал, что пришел его черед. Сын графа Маркус решил запереть девушку в своем доме, пока она не раскроет тайны преступников. Однако вскоре он убедился, что очаровательная Нелл о заговоре ничего не знает и сама находится в опасности…

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 10
Глава 3 16
Глава 4 21
Глава 5 28
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Луиза Аллен
Лорд и своевольная модистка

Глава 1

Лондон, 5 января 1814 г.

– Вы только посмотрите, милорд, какое сегодня голубое небо. В такое утро верится, что все на свете хорошо!

– Вы, наверное, влюбились, Дэн, – заметил Маркус Карлоу, виконт Стейнгейт, натягивая поводья.

Двухколесный экипаж свернул с Пикадилли на Албемарл-стрит.

Сильно потянуло луком, и камердинер, стоящий на запятках, фыркнул:

– Нет, милорд, вы меня не собьете! Только взгляните: воздух такой свежий, солнышко сияет. Отличный день – и на душе радость. В такой день ничего плохого случиться не может.

– После таких слов человек суеверный не вылезает из постели, приказывает запереть все двери и готовится к катастрофе! – Маркус широко улыбнулся, когда экипаж поравнялся с идущими по тротуару девицами, и невольно принялся разглядывать многочисленные шляпные картонки в их руках и развевающиеся шарфы.

И все-таки Дэн прав: день выдался на редкость погожий. Сияет солнце, воздух свеж, туман рассеялся, а пленительная мисс Памела Дженсен всячески намекает на то, что, пожалуй, примет его деловое предложение…

Да, если ненадолго забыть о слабом здоровье отца – источнике постоянных маминых тревог, о сестре, которая как будто задалась целью уморить старшего брата, о второй сестре, чья невинность иногда просто пугает, и о брате, самом отъявленном повесе во всем Лондоне, который постоянно рискует жизнью и здоровьем на поле брани, – тогда, конечно, можно поверить, что в такое утро все обстоит замечательно.

Маркус обдумывал сегодняшние дела. Обед с семьей, встреча с Брокетом, управляющим хертфордширским поместьем, ужин в клубе. А потом он наведается в уютную квартирку мисс Дженсен, где они обсудят все условия их будущего… совместного проживания. Дела приятные и, что бывает редко, вполне предсказуемые.

– Дэн, ведите лошадей на конюшню. Я не… Дверь двухфасадного особняка распахнулась, и оттуда выбежал лакей.

– Питерс!

– Милорд… Похоже, у лорда Нарборо… еще один удар. Мистер Уэллоу велел мне взять коляску и срочно ехать за доктором.

– Дэн, держите поводья! – Маркус спрыгнул на землю и подтолкнул к экипажу лакея. – Если доктора Роулендса нет дома, выясните, куда он поехал, и привезите его!

Он взбежал на крыльцо, перепрыгивая через две ступеньки. В холле царила суматоха. Ричардс, младший лакей, клялся, что он ни в чем не виноват – молодая леди показалась ему приличной. Откуда ему знать, что она задумала недоброе? Уэллоу, дворецкий, спрашивал у Феллинга, старшего лакея графа, где капли его светлости. А у подножия лестницы громко переговаривались три молодые женщины.

Онория, его старшая сестра, кричала во весь голос. У младшей, Верити, лицо было мокрым от слез. Скинув плащ с капюшоном, Маркус подошел к единственной особе, показавшейся ему вполне нормальной:

– Мисс Прайс, что случилось?

При виде его на лице компаньонки сестер отразилось явное облегчение.

– Лорд Стейнгейт, хвала небесам, вы вернулись! Нет, Онория! Если ваша мама говорит, что молодая особа должна оставаться в библиотеке до тех пор, пока лорд Стейнгейт не скажет, что делать, значит, там она и останется, а вам с ней разговаривать нельзя! – Мисс Прайс положила руку на плечо Верити: – Верити, перестаньте плакать. Подумайте, как вы огорчаете папу!

Верити бросилась Маркусу на грудь:

– Марк! Папа умирает!

– Ничего подобного! – возразил он, хотя на самом деле понятия не имел, каково состояние отца. Он взял сестру за плечи: – Верити, Онория, помогите Феллингу найти папины капли. Мисс Прайс, где лорд Нарборо?

– В кабинете, вместе с ее светлостью, – ответила она. – Миссис Хоби сейчас подаст ему сладкий чай.

– Благодарю вас.

Маркус открыл дверь в кабинет и тихо вошел. Отец полулежал в мягком кожаном кресле с подголовником; рядом сидела мама и гладила мужа по руке. Маркус невольно замер на месте, хотя заранее знал, чего ожидать. Графу, чье здоровье оставляло желать лучшего, исполнилось пятьдесят четыре года, но из-за седины и сутулости выглядел он на двадцать лет старше. Маркус с трудом вспоминал то время, когда лорд Нарборо был бодр и деятелен. Сейчас ему показалось, что отец умирает: губы у него посинели, закрытые глаза запали.

– Мама!

Леди Нарборо подняла голову и улыбнулась.

– Марк, так и знала, что ты не задержишься. Джордж, Марк пришел.

Отец с трудом поднял веки, и Марк вздохнул с облегчением. Нет, отец не умрет – по крайней мере, сейчас. Темно-серые глаза, так похожие на его собственные, смотрели сосредоточенно и живо.

– Что случилось, отец?

– Какая-то девушка… принесла вот это. Не знаю зачем. – Правая рука графа беспокойно задвигалась.

Маркус опустился на колени у кресла; мать тут же встала.

– Вот… – Отец сжал пальцы сына и кивком указал на свой письменный стол, на котором лежал вскрытый пакет. – Мальчик мой! – Отец понизил голос до шепота, и Маркус склонился к нему. – Опять то старое дело – Хебден и Уордейл. Я думал… все давно забыто! – Граф снова закрыл глаза. – Не волнуйся. Я пережил потрясение, только и всего… Проклятое сердце!

Леди Нарборо встретилась взглядом с Маркусом. Маркус пощупал отцу пульс и негромко сказал:

– Он выживет.

Экономка принесла чай. За ней пришел лакей с настойкой белладонны. Они вдвоем усадили графа повыше; леди Нарборо стала поить его чаем. Убедившись, что мать занята, Маркус подошел к столу и осмотрел пакет, ставший причиной беды. Обычная плотная оберточная бумага, перевязанная бечевкой и запечатанная красным воском. Почерк на бумаге размашистый, скорее всего, мужской. Маркус нагнулся, принюхался: духами не пахнет.

Рядом с ножом для разрезания бумаги он увидел моток скрученной веревки – толщиной, наверное, в целый дюйм и какого-то странного цвета. Приглядевшись, Маркус понял, что веревка скручена из множества тонких, мягких нитей – синих, красных, желтых, белых, коричневых и черных.

Нахмурившись, Маркус взял веревку, но она, словно змея, заскользила у него между пальцами. Потом он заметил петлю, узел – и сразу все понял. Перед ним не обычная веревка,

а шелковая; на такой вешают не всякого, а только обладателя титула. Если можно так выразиться, шелковая веревка – своеобразная привилегия.

Отец сказал «Хебден и Уордейл». Один – жертва, второй – его убийца. Два мертвеца. И теперь, спустя почти двадцать лет, их ближайшему другу принесли такую веревку. Совпадение? Вряд ли. Очевидно, отец думает так же…

Покосившись на отца и убедившись в том, что тот в прежнем состоянии, Маркус незаметно вышел из кабинета. Со стороны Белого салона слышны были громкие женские голоса, но в холле он никого не увидел, кроме Уэллоу, который ждал врача.

– Уэллоу, что, черт побери, здесь происходит?

Внушительный дворецкий, склонив лысую голову, нахмурился и поджал губы.

– Пришла одна молодая особа… с парадного входа, милорд. Ей открыл Ричардс. Он уверяет, что молодая особа выглядела как леди, хотя именно она принесла пакет. Потому-то он и не отослал ее к черному ходу. Она попросила разрешения поговорить с его светлостью, настаивала, что должна передать ему пакет лично в руки… Ричардс провел ее в кабинет, – сурово продолжал дворецкий, осуждая лакея. – К сожалению, он не запомнил, как она представилась… Затем Ричардс оставил ее наедине с его светлостью. Через несколько минут молодая женщина выбежала из кабинета с криком: «Помогите!» Его светлости стало плохо. Я велел Ричардсу запереть ее в библиотеке до вашего возвращения, милорд, потому что все это дело кажется мне весьма сомнительным.

– Спасибо, Уэллоу, вы очень благоразумно поступили. Я с ней поговорю. Позовите меня, когда придет доктор.

Библиотека оказалась заперта снаружи. Маркус повернул ключ в замке и вошел, готовый ко всему.

У окна стояла женщина – высокая, стройная, пожалуй, слишком худая, одетая в простую темную накидку и темное же платье. Ее шляпку нельзя было назвать ни роскошной, ни убогой. Словом, выглядела она опрятно, но скромно. Подойдя ближе и заметив, как плотно она сцепила руки и как неестественно прямо держит спину, Маркус понял, что незнакомка сильно волнуется.

– Дворецкий велел мне подождать лорда Стейнгейта. Это вы? – Ее голос, теплый и сочный, как мед, удивил Маркуса. Светло-карие глаза смотрели на него с тревогой. Притворяется?

– Я Стейнгейт, – ответил он довольно сурово. В конце концов, из-за нее отцу сейчас очень плохо. – А вы?

– Мисс Смит.

«Ну почему я не сумела придумать что-нибудь более убедительное?» – Нелл смотрела в его суровые серые глаза, похожие на мокрый кремень. Он такой рослый, такой мрачный и такой… мужественный! И подошел слишком близко. Лицо – невозмутимая маска, но под ней клокочет такой гнев, что хочется убежать… Нелл невольно сдвинула колени.

– Мисс… Смит? – недоверчиво пророкотал он. Разумеется, он ей не поверил. Уголки его губ опустились вниз. – Зачем вы принесли моему отцу шелковую веревку?

Нелл заставила себя не отводить взгляда от его потемневших глаз:

– В пакете была веревка? Я не знала, что там…

– Веревка, похожая на змею. Вам еще повезло, что он не умер от удара. Граф – человек болезненный, у него слабое сердце. – Его глаза метали молнии.

Она сразу поняла, как он любит отца и как боится за него.

– Повторяю, я понятия не имела, что в пакете. Меня просто попросили его доставить.

– Ах вот как? Не очень-то вы похожи на девушку на побегушках!

Виконт – Нелл решила, что старший сын графа, скорее всего, виконт – скрестил руки на груди и оглядел ее снизу доверху. Нелл отлично понимала, кого сейчас видит виконт Стейнгейт. Перед ним женщина благородного происхождения, но обедневшая; ей больших сил стоит поддерживать опрятный и благопристойный вид. Внутренний голос велел ей солгать.

– Я портниха. По поручению хозяйки ношу платья на примерку в дома клиентов… Один джентльмен, который недавно заказал у нас много дорогих нарядов, попросил об услуге, и хозяйка поручила мне доставить пакет. Ей не хотелось отказывать такому хорошему клиенту.

– Как его фамилия? – Виконт недоверчиво хмыкнул. Почему он ей не верит? Ведь сейчас она говорит правду… Почти правду.

– Я не знаю.

– В самом деле, мисс Смит? Хороший клиент – и вы не знаете, как его фамилия? – Он подошел чуть ближе и прищурился.

Нелл не позволит себя запугивать, она вскинула голову и храбро посмотрела ему в лицо. Перед ней был молодой мужчина лет двадцати восьми – тридцати, высокий, около шести футов. Очень властный и уверенный в себе, привык во всем поступать по-своему. Интересно, это у него врожденное или развилось благодаря положению? Пока она могла сказать о нем только одно: перед ней разгневанный мужчина, который любит своего отца.

– Нет, милорд, его настоящей фамилии я не знаю. Назвался же он Салтертоном.

– Почему вы решили, что фамилия не настоящая?

– Судя по фасону платьев, он заказал наряды для любовницы. Истратил на них крупную сумму… скорее всего, не хочет, чтобы о тратах узнала его жена. Я видела его, когда он в первый раз пришел к нам в мастерскую; тогда мадам и спросила, как его фамилия. Он помедлил – всего с долю секунды, а потом я уловила в его голосе нечто такое… в общем, когда человек лжет, это сразу понятно.

– Вы правы, это действительно бывает понятно. – Уголок рта лорда Стейнгейта чуть дернулся вверх. Нелл покраснела и, опустив голову, уставилась на его рубиновую булавку, скалывающую галстук. – Опишите его! Как он выглядел?

– Я его не разглядела; по-моему, он специально прячет лицо. Он обычно приходит по вечерам и носит шляпу с широкими полями, а воротник у него всегда поднят. Платит он наличными… У него очень смуглая кожа. – Нелл задумалась. – Наверное, он иностранец – он как-то странно говорит. Не акцент, а скорее нездешний выговор, хотя речь правильная… Судя по всему, он человек образованный. Сильный и движется… – Она нахмурилась, подбирая ускользающие слова, способные описать таинственного незнакомца: – Движется, как танцор. Правда, он не такой высокий, как вы, и не так крепко сложен.

Нелл вдруг поняла, что, описывая смуглого незнакомца, беззастенчиво разглядывает стоящего перед ней мужчину. От нее не укрылись ни элегантная простота его платья, ни его прекрасная фигура. На виконте был костюм для верховой езды, состоящий из простого темного сюртука и замшевых бриджей, заправленных в высокие сапоги. Она снова опустила голову и стала смотреть на рубиновую булавку. Виконт неодобрительно нахмурился, заметив, что она его разглядывала.

– Вы очень наблюдательны, мисс Смит, особенно если учесть, что вы видели незнакомца лишь мельком и у вас не было никаких причин проявлять к нему интерес. – Он ей не поверил, но она не собиралась признаваться в том, что смуглый незнакомец с самого начала одновременно и привлекал ее, и отталкивал. Он просто излучал опасность и сразу нарушил безмятежность их мастерской. – Как зовут вашу хозяйку и где находится мастерская? Не сомневаюсь, она вспомнит еще что-нибудь.

– Лучше я не скажу. Мадам будет недовольна, если окажется, что из-за меня она оказалась в неловком положении. – *А вот здесь, девочка моя, ты попалась. Ты ничего не можешь*

ему сказать, ведь иначе придется признаться, что ты не служишь в швейной мастерской, а тогда он тебе вообще не поверит.

– Что же сделает с вами ваша хозяйка, если рассердится на вас? – Виконт отошел на несколько шагов и присел на край стола. Нелл вздохнула было с облегчением, но потом поняла: он отошел с единственной целью – получше рассмотреть ее, с головы до ног.

– Выгонит меня.

Что будет для нее катастрофой. Правда, вряд ли такой, как виконт Стейнгейт, понимает, как тяжела жизнь работающей женщины, у которой нет ни родных, ни других источников дохода.

– Хм… – проворчал он, глядя на нее исподлобья. Нелл решила, что он, пожалуй, слишком часто хмурится. – А теперь послушайте, что сделаю с вами я! Я отвезу вас в уголовный суд на Боу-стрит, потому что вы – соучастница в заговоре с целью убийства моего отца!

– Что?! Убийство? Какая нелепость! – Угроза подхлестнула ее, и она взволнованно отскочила к окну, налетела на большой глобус и круто развернулась лицом к виконту. – Да, у графа слабое здоровье; он переволновался… Но заговор – чушь! Каким образом моток веревки способен напугать взрослого человека? Кстати, что это такое – шнур от гардины?

– Шелковая веревка, – многозначительно ответил виконт. Очевидно, в его словах содержался какой-то скрытый смысл. Вдруг в ее подсознании что-то дрогнуло – как искра, как напоминание о пережитом в детстве кошмаре.

Нелл пожала плечами, и неприятное чувство провалилось назад, во мрак. Ей почему-то не хотелось вспоминать…

– Хорошо, везите меня в суд! – громко заявила она, хотя и понимала: узнай хозяйка о выдвинутом против нее обвинении, и ее сразу же уволят без рекомендации. – Заодно узнаем, можно ли запирать в комнате и оскорблять женщину, если она всего лишь доставила пакет!

– Оскорблять? Мисс Смит, в каком смысле считаете вы себя оскорбленной? – Лорд Стейнгейт сидел на краю стола, скрестив руки на груди. Он немного успокоился и больше не выглядел грозным – насколько может выглядеть негрозным крепкий, мускулистый мужчина ростом в шесть футов. – Если хотите, я прикажу принести вам чай, а вы пока подумайте над своим положением. Если вы нуждаетесь в обществе, я пришлю к вам компаньонку моих сестер. Если вам холодно, прикажу разжечь камин. Но я требую ответа, мисс Смит! Не нужно меня недооценивать.

– Я никоим образом не недооцениваю вас, милорд, – ответила она, хотя ей стоило больших трудов сохранять невозмутимость. – Вижу, вы привыкли настаивать на своем. Пусть и вежливо, но вы продолжаете угрожать беззащитной женщине и запугивать ее.

– Угрожать?! – изумился Маркус. – Что вы, мисс Смит! Я вам не угрожаю и тем более не запугиваю вас. Просто объясняю неизбежные последствия ваших действий – точнее, вашего бездействия.

– Угрожаете… – Сердце все чаще колотилось у нее в груди.

– Вы, пожалуй, могли бы обвинить меня в том, что я вас запугиваю, если бы я… – он вскочил на ноги и одним прыжком оказался рядом с ней, – прижал вас к этому стеллажу – вот так.

Нелл попятилась, дошла до стены и остановилась, раскинув руки в стороны. Отступать было некуда: за ней тянулись полки, заставленные книгами в твердых кожаных переплетах.

Лорд Стейнгейт оперся ладонями о полки по обе стороны ее головы и окинул книги беглым взглядом.

– А, поэты-романтики! Совершенно неуместно! Да, если бы мне пришлось загнать вас вот в такую ловушку, подойти к вам очень близко…

Они стояли лицом к лицу, и Нелл ощущала исходящий от него жар. Бедрами он почти прижимался к ее юбке.

– Так вот… Если бы я подошел к вам и сдавил вашу хорошенькую шейку, чтобы вытрясти из вас правду… вы еще могли бы пожаловаться на то, что я вас запугиваю!

Нелл зажмурилась, стараясь не думать о том, как он близко. В библиотеке пахло, как в забытом детстве: кожей, старой бумагой и воском для полировки дерева. От него пахло цитрусовым одеколоном, чистым бельем и мужчиной. И его аромат перебивал все остальные запахи.

– Посмотрите на меня!

Она с трудом открыла глаза. Хотя утром он тщательно побрился, она видела пробившуюся щетину на его щеках и подбородке, такую же черную, как и волосы. В левом углу рта был заметен крошечный шрам; за разомкнутыми губами виднелись белые, крепкие зубы. Нелл невольно залюбовалась его полными, чувственными губами, и сердце у нее екнуло.

– Итак?

– Нет. – Она представила, как его пальцы охватывают ее подбородок, как его руки зарываются ей в волосы… Но сразу же вспомнила мистера Гарриса, и ее передернуло.

Виконт сразу отступил, как будто она влепила ему пощечину.

– Проклятье…

– Милорд… – В библиотеку вошел дворецкий. – Пришел доктор Роулендс. Леди Нарборо вас ждет, по-моему, она немного расстроена.

Судя по выражению лиц хозяина и слуги, Нелл поняла, что «немного расстроена» – изрядное преуменьшение. Без единого слова лорд Стейнгейт развернулся и вышел. Дверь со стуком закрылась.

Нелл стояла, вцепившись пальцами в книжную полку. Она не сразу разжала руки, как будто только они и поддерживали ее на ногах. Неожиданно она сообразила, что дверь не заперта.

Где ее сумочка? Ах, вон она, на диване! Зашуршали ее длинные юбки; она поспешила к выходу. Дверь открылась бесшумно. Нелл выбралась в коридор и забилась под лестницу.

Холл совсем рядом, но у двери стоит дворецкий; он отдает распоряжения младшему лакею. Значит, бежать тем же путем невозможно. Нелл сжалась в тени.

– Уэллоу! – послышался звонкий женский голос из комнаты справа.

Лакей пробежал мимо Нелл, не заметив ее, и скрылся за дверью, обтянутой зеленым сукном. Дворецкий же пошел на зов.

– Да, леди Онория?

Как только он ушел, Нелл на цыпочках выбралась из-под лестницы, схватившись одной рукой за столик, на котором стоял серебряный поднос для писем. Очевидно, принесли вторую почту за день. Нелл невольно прочла адрес на верхнем конверте: «Леди Онории Карлоу».

Она застыла точно громом пораженная. Карлоу?! Овдовев, ее мать произносила эту фамилию с крайней ненавистью. Из-за Карлоу все их беды, все несчастья! Из-за Карлоу прошлое окутано мраком… Когда она была совсем крошкой, в их семье случилось что-то ужасное, но ей никогда не говорили об этом – и спрашивать тоже не разрешали.

Так, значит, фамилия лорда Нарборо – Карлоу? Нелл понятия не имела, почему ей следует бояться членов этой семьи, но уж им-то, несомненно, все известно! Если они выяснят, кто она такая, они ни за что не поверят в ее невиновность!

Нелл на цыпочках пробежала по мраморному полу, ее поношенные туфли не скрипели и не стучали. Отодвинув задвижку, она выбралась на улицу. Несколько шагов – и она спряталась за наемной каретой и пошла за ней, пока кучер не повернул на Стаффорд-стрит. *Здесь я в безопасности*, сказала себе Нелл, с трудом преодолевая желание побежать. *Теперь он ни за что меня не найдет!*

Глава 2

Веревку заперли в нижний ящик письменного стола. Но с таким же успехом она могла бы лежать и наверху и шипеть на него, как змея, на которую была так похожа. Маркус рассеянно сдвинул в сторону бумаги. Может, пойти в отцовский кабинет? Когда отец здесь, в Лондоне, пользоваться его кабинетом неудобно. В последнее время граф почти не занимается семейными делами, но, несмотря ни на что, Маркус считал, что садиться за отцовский стол почти так же неприлично, как надевать его туфли.

Маркус продолжил писать письмо младшему брату. Он решил ничего не рассказывать Хэлу о случившемся, лишь упомянул вскользь, что отец перенес сердечный приступ и теперь отдыхает, а доктор уверен в том, что он выздоровеет – со временем и при надлежащем уходе.

Маркус не видел смысла волновать лейтенанта Хэла Карлоу. Судя по последним известиям, Хэл, который находился в Португалии с войсками Веллингтона[1], сейчас лежит в лазарете – его ранили саблей в бок. По словам брата, рана легкая, но воспалилась. В прошлом году 11-й легкий драгунский полк, в котором служил Хэл, прислали в Англию на переформирование. Хэл, как и следовало ожидать, задействовал все свои связи и, переведясь в другой полк, вернулся к месту военных действий.

Маркус понимал, что рассуждает как эгоист, и все же он невольно благодарил саблю, ранившую брата. Правда, выздоравливающий, скучающий и ничем не занятый лейтенант Карлоу – явление крайне опасное. Маркуса часто уверяли, что его брат – образцовый офицер, обладающий храбростью льва и созданный для великих свершений. В мирной жизни Хэл оставался избалованным ребенком, который как будто задался целью свести старшего брата с ума.

Хлопанье дверьми и крики напомнили Маркусу о том, что другие его близкие родственники тоже способны довести его до белого каления. Прислушавшись, он понял, что благоразумная мисс Прайс не позволяет Онории выкинуть какую-то глупость и одновременно защищает Верити от колкого язычка старшей сестрицы.

Маркус постарался представить себе храбреца, который отважится взять на себя заботы об Онории, но это ему не удалось. Скоро начнется Лондонский сезон[2], полный для старшей сестры неисчислимых возможностей подыскать себе хорошую партию; младшая же сестра, по своей наивности, способна пасть жертвой любого повесы.

За окном сгущался туман. Почти ничто не напоминало о безоблачном утре. Несмотря на то что в камине ярко пылал огонь, а слуги зажгли лампы, в комнате было сыро и промозгло.

Проклятая веревка! Маркусу очень хотелось расспросить о ней отца, но граф спал. Несомненно одно: веревка как-то связана с прошлым. Тогда графу Нарборо было столько же лет, сколько ему сейчас.

Маркус посмотрел на портрет отца, над камином. Лорда Нарборо изобразили в расцвете сил. Гордо расправив плечи, он смело смотрел на сына такими же, как у него, серыми глазами и сжимал эфес рапиры, которую он в молодости обнажал с такой же готовностью, с какой демонстрировал свое остроумие.

---

[1] Веллингтон – британский государственный и военный деятель, фельдмаршал с 1813 г. В войнах против наполеоновской Франции командующий союзными войсками на Пиренейском полуострове (1808—1813).

[2] Лондонский сезон по времени соотносился с сессией парламента. Как правило, он начинался после пасхальных каникул, потому что многие семьи не возвращались в Лондон до середины зимы или даже до марта. Официально сезон стартовал в мае, когда начиналась ежегодная выставка Королевской академии искусств. За выставкой следовали многочисленные концерты, балы и спортивные состязания. Во время сезона Лондон становился настоящей ярмаркой невест. Предварительно представленные ко двору молодые девушки посещали балы, вечеринки, ужины и праздники.

Джордж Карлоу и его друзья были свидетелями Французской революции. Они не зря опасались долгой и кровавой войны. Близкие к правительственным кругам, они распутывали многие сложные интриги и заговоры. Они тоже сражались, но не на поле боя, а в клубах и на балах. На их врагах не было военных мундиров; они одевались модно и со вкусом. С головой окунувшись в мир тайн и интриг, граф Нарборо лишился здоровья, душевного спокойствия и потерял ближайших друзей.

Маркус свернул письмо, отложил его и встал. Зачем девица, принесшая пакет, солгала, что ее фамилия – Смит? Невинное ли она орудие смуглого незнакомца, которого она так подробно описала, или же его соучастница?

Разумеется, ее фамилия не Смит, и это не единственная ложь. И все же Маркусу хотелось верить, что она не желала причинить им зло. Видимо, так он инстинктивно, по-мужски, отреагировал на ее замечательные зеленовато-карие глаза, на золотисто-каштановые волосы и голос, от которого у него по спине побежали мурашки. Маркус нахмурился. В таком деле следует включать ум, а не чувства!

И вовсе она не красива… Ее худоба чрезмерна. Она выглядит тощей даже в своем поношенном бесформенном платье и темной накидке. Ему никогда не нравились худые и костлявые женщины. Маркус позволил себе ненадолго отвлечься и с удовольствием вспомнил аппетитные формы мисс Дженсен. Прекрасная Памела наверняка примет его деловое предложение; она ясно дала ему это понять.

И потом, не к лицу джентльмену связываться с портнихой. Мисс Смит – порядочная молодая особа, а не гулящая девка, это понятно. Когда он подошел к ней вплотную, она зарделась и опустила голову. Такая не станет расплачиваться своим телом, чтобы избежать наказания.

Маркус подошел к книжному стеллажу, где совсем недавно стояла мисс Смит. Ему показалось, что он до сих пор ощущает слабый аромат ее мыла. Впрочем, наверное, у него просто разыгралось воображение. И у него давно нет любовницы. С предыдущей он расстался довольно давно, когда устал от ее сварливости и постоянных упреков. Если дома все наладится, можно уже сегодня вечером поехать к прекрасной Памеле и все уладить… И тогда он забудет о мисс Смит.

На диване что-то белело. Нагнувшись, Маркус взял тонкий соломенный жгутик, из которого торчала длинная нить.

Он позвонил.

– Питерс, спросите мисс Прайс, может ли она сейчас прийти сюда.

Компаньонка его сестер, как всегда спокойная и собранная, не заставила себя ждать.

– Что, Маркус? – Наедине они давно уже называли друг друга по имени; они заключили своего рода союз и вместе старались поддерживать в доме Карлоу порядок и благопристойность.

– Диана, что вы можете сказать вот об этом? – Он протянул ей жгутик.

– От шляпки… ни для чего другого не подойдет, слишком тонок. – Диана Прайс поднесла соломенный жгутик к глазам. – По-моему, отечественный. Очень хорошего качества, и плетение необычное. Никогда не видела ничего похожего. – Она дернула за торчащую из жгутика нитку и смерила Маркуса проницательным взглядом. – Наша утренняя гостья – модистка?

– Она уверяла, что портниха, но не удивлюсь, если она меня обманула.

– Если она работает с дорогими материалами, значит, служит в какой-нибудь хорошей мастерской. Не обязательно высшего класса, но хорошей.

– Можно ли по соломке узнать, в какой именно?

– Да, наверное… Такое необычное плетение говорит о работе одного мастера. А может, так плетут соломку в какой-нибудь деревне… Если хотите, я составлю вам список заведений, где можно навести справки.

– Благодарю вас, буду очень вам признателен. Мне бы хотелось разыскать эту молодую особу… чтобы привлечь ее к суду, – поспешно добавил он, видя, как удивилась мисс Прайс.

Через час Диана принесла ему обещанный список. Вскоре и Питерс привез Хокинса, бывшего сыщика с Боу-стрит, чьими услугами Маркус пользовался неоднократно. Он вручил бывшему сыщику соломенный жгутик и список.

– Я хочу, не возбуждая подозрений, выяснить, в каком из заведений делают шляпки из такой соломки.

– Будет исполнено, милорд! Я разошлю туда своих дочек, они могут сыграть роль горничных знатных дам, которые ищут красивые шляпки для своих хозяек. – Хокинс просмотрел список и откланялся. – Ждите меня завтра, в это же время.

– Маркус, ради всего святого, кто этот человек?

Маркус вздрогнул. Он настолько погрузился в собственные мысли, что не слышал, как вошла мать.

– Мама… – Он поднялся, а леди Нарборо села на диван и протянула к огню холеную руку. Несмотря на то что ей предстояло весь вечер провести дома, у постели больного, графиня нарядилась в зеленовато-голубое шелковое платье и надела фамильное опаловое ожерелье. – Он сыщик. Я хочу найти ту молодую особу, из-за которой папе стало так плохо.

– Не понимаю. – У Маркуса невольно сжалось сердце, когда он заметил тонкие морщинки, лучиками разбегающиеся от внешних краев прекрасных маминых глаз. Она по-прежнему остается красавицей, но ее не назовешь молодой и жизнерадостной. – Что в том пакете? Из-за чего твой отец так расстроился?

– Чья-то грубая шутка. Там была веревка, очень похожая на змею… Наверное, папа испугался, потому что решил, что веревка живая… – Маркус нарочито небрежно пожал плечами. Если мама поймет, что за веревку прислали отцу, она неизбежно вспомнит страшное прошлое. – Скорее всего, ее прислал кто-нибудь из сумасбродных друзей Хэла – хотел подшутить надо мной, но пакет по ошибке передали не мне, а папе.

Как он и рассчитывал, его слова отвлекли мать от мыслей о пакете, и она заговорила о том, что ее беспокоит.

– Твой отец очень волнуется за тебя, – сказала она. – Ты ведь знаешь, о чем он всегда говорит, когда ему плохо. Он хочет дождаться внуков… Рассчитывать на Хэла я бы не стала. Еще несколько сезонов назад всех молодых девушек из приличных семей специально предупредили, чтобы они держались от него подальше. Ты наследник, Маркус. Пора найти себе жену и остепениться, завести детей.

К этому разговору леди Нарборо возвращалась в последнее время все чаще. Все вполне естественно, ее муж болен, и ей хочется тешить себя мыслями о потомках. И все же Маркус никак не видел возможности осуществить мамины мечты в ближайшем будущем.

Вокруг множество красавиц, и некоторые из них ему даже нравятся. Но среди них нет ни одной хорошей партии для него. Маркус знал, какая жена ему нужна: зрелая, мудрая и остроумная. Разумеется, его невеста должна быть знатного рода, ему ведь нужно заботиться о собственном имени. Богатство не так важно, слава богу, ему не нужно жениться на деньгах. Ну а внешность… Характер, конечно, важнее, но все же не хочется, чтобы его избранница была дурнушкой.

Где же найти такую?

– Мама, сезон вот-вот начнется. Обещаю, я серьезно подумаю о женитьбе. – Он представил себе толпы юных девиц, со свежими личиками и безупречными манерами, но без единой мысли в хорошеньких головках… Сердце у него упало. Отчего-то он вдруг вспом-

нил утреннюю гостью с зелеными глазами, решительным подбородком, голосом, похожим на теплый мед. Какая она храбрая! Она смело противоречила ему и лгала в глаза. Да, вот такая женщина ему по душе. Остается самая малость: найти настоящую леди с характером как у тощей модистки… Только никакого вранья и никаких тайн!

– Да, милорд?

– Ммм? – Вздрогнув, Маркус резко выпрямился. Видимо, он незаметно задремал у камина.

Прекрасно вышколенный Уэллоу и глазом не моргнул.

– Прошу прощения, милорд, но мы решили, что вы уехали.

– Почему? Который час?

– Десять, милорд. Подавать вам ужин в малой столовой?

– Боже правый! – Маркус задумался. Можно поехать в клуб, а оттуда – к Памеле… Нет, гораздо больше хочется остаться дома. – Уэллоу, я потерял счет времени. Насколько я понимаю, все остальные уже отужинали?

– Да, милорд, так как все решили, что вы в клубе.

– М-да… Подавайте ужин, пожалуйста. – Ему совсем не улыбалось провести сегодняшний вечер в эротических переговорах с миссис Дженсен. Черт побери, что с ним происходит?

Что, если тот смуглый незнакомец, Салтертон, явится к ним в мастерскую? Что, если он начнет ее расспрашивать, что произошло в доме лорда Нарборо? Сказать ему правду или солгать? А может, попробовать что-нибудь разузнать о нем, а потом передать лорду Стейнгейту? Но ведь он – Карлоу!

Нелл рассеянно смотрела на чашку с остывающим кофе. Спала она беспокойно, всю ночь ей снились страшные сны, и она совсем не отдохнула.

Она очень боялась Салтертона, хотя и не понимала почему. В связи с ним ей почему-то вспоминались ножи. Но и Стейнгейта она тоже боялась. У него власть и влияние, а она, пусть и не желая того, стала причиной болезни его отца. Естественно, Стейнгейт не поверил, что она ни при чем.

А ведь это не все! Его отец, лорд Нарборо, когда-то был другом ее отца. Когда она была еще совсем крошкой, произошло что-то страшное. Отца увезли, потом он умер. С тех пор мама ни разу в жизни больше не улыбнулась, а фамилию Карлоу всегда произносила с ненавистью.

Подрастая, Нелл поняла, что ее отец, видимо, совершил что-то ужасное. Но она была девочкой, а девочкам о таких вещах не рассказывают. Вот и ее держали в неведении. Она не знала, почему они обречены на позор и нищету. Может быть, Натану и Розалинде известно больше – ведь они старше. Но они никогда не обсуждали прошлое. Нелл смутно помнила время, когда у них был большой дом с парком, но иногда ей казалось, что дом, парк и многочисленные комнаты ей только приснились.

С папой случилось что-то плохое, очень плохое. Настолько плохое, что на всех них легло пятно, и это было так ужасно, что он… умер.

Нелл тоже должна ненавидеть всех Карлоу. Мама не раз повторяла: Джордж Карлоу виноват во всех их несчастьях. Она называла его предателем, обманщиком, изменником.

И все же сын Карлоу, виконт Стейнгейт, никак не шел у Нелл из головы. Она не заблуждалась и понимала, что ее влечет к нему. Его откровенная мужественность нашла отклик в ее женском сердце. Почему-то ей показалось, что именно о таком спутнике она всегда грезила, что он способен быть не только возлюбленным, но и другом.

Глупые мечты! Если Маркус Карлоу ее найдет, он в самом деле от нее не отстанет, но совсем по другой причине… Нелл отщипнула кусочек поджаренного хлеба, пытаясь убедить

себя, что в такой холод совершенно естественно жаться к огню, а не сидеть за столом, как подобает истинной леди. Очень хочется тепла и покоя!

Мечты, мечты… Ни один мужчина не похож на тот идеал, который она давно уже для себя нарисовала. А виконты очень опасны для беззащитных модисток…

Она сложила грязную посуду в таз, где уже лежала тарелка от вчерашнего позднего ужина, затем стряхнула с платья крошки и завязала ленты чепца. Машинально взяла сумочку, перчатки, носовой платок… Мысли путались, возвращаясь к одному и тому же. Полегчало ли лорду Нарборо? Его лицо, когда молодой лакей впустил ее в кабинет, показалось Нелл добрым. Усталым, но добрым. Впрочем, возможно, граф ловко притворяется. Какие тайны он скрывает?

Будь ее отец сейчас жив, он был бы ровесником графа. Жаль, что она не помнит отца; все, что осталось от тех давних времен, – мамины слезы и проклятия.

Дрожа не только от холода, но и от волнения, Нелл заперла дверь и начала спускаться. Наверху лестница была узкой, но на первых этажах расширялась. Когда-то дом был очень красивым; о былой роскоши свидетельствовали широкие дверные проемы, лепнина на потолках, затянутая паутиной, красивые полированные перила.

– Доброе утро, мисс Латам! – Из приоткрытой двери выглянула старая миссис Дрю. Она все видела, все замечала – даже в половине шестого утра. Похоже, она никогда не спит.

– Доброе утро, миссис Дрю. Боюсь, туман сгущается.

Закрывая за собой дверь, Нелл услышала, как хнычет ребенок Хатчинсов на третьем этаже. «Зубки режутся», – подумала она, поворачивая на Бишопсгейт-стрит.

Хорошо, что у нее есть своя комната – пусть и в мансарде, пусть и не в самом респектабельном районе Спитлфилдз, пусть и с любопытными соседками и капризными младенцами. Зато она может ненадолго остаться одна. Кроме того, ее соседи, хоть и бедняки, люди порядочные, работящие и скромные.

И с работой ей тоже повезло. Хозяйка их шляпной мастерской не считает, что модистки – то же самое, что девушки легкого поведения. Нелл шла в сыром тумане в предрассветных сумерках, и ей очень хотелось найти в своей жизни хоть что-то хорошее. Даже то, что мама теперь покоится с миром вместе с папой, – уже не источник горя, а благословение. Какой бы ни была окутавшая их тайна, по крайней мере, маму она больше не тревожит.

Толпа на улице стала гуще; Нелл ненадолго задержалась у лотка пирожника и купила себе булочку к обеду.

Наконец, впереди показалась вывеска «Мадам Элизабет – модные шляпки». Она вошла с черного хода, накидку и шляпку повесила на гвоздик, а булочку положила на полку в кухне. Часы пробили шесть.

Нелл повязала фартук и села на свое место за длинным столом, вместе с другими девушками. В зале было тепло и светло, но вовсе не потому, что мадам так уж заботилась о здоровье работниц. Просто в тепле пальцы движутся проворнее, а тонкий узор требует хорошего освещения.

Нелл улыбнулась и, кивнув остальным, поставила перед собой болванку с незаконченной работой. Сейчас она делала шляпку для миссис Форрестер, жены богатого олдермена, заказчицы щедрой, но придирчивой. Нелл осмотрела работу. Шелковая лента вплетена безупречно; остается закамуфлировать те места, где шелк соединяется с соломкой. Может, сделать розетки? Набрав полный рот булавок, Нелл принялась за работу.

– Нелл, твой ухажер сегодня заявится? – весело спросила Мэри Райт.

Нелл чуть не проглотила булавку и благоразумно воткнула ее в подушечку.

– Если ты о мистере Салтертоне, то он вовсе не мой ухажер. Я только отнесла пакет по его просьбе.

– Ты всем относишь заказы, – фыркнула другая девушка.

Все завидовали Нелл, потому что она, благодаря безупречным манерам и речи, могла посещать хорошие дома, куда остальным модисткам вход был закрыт.

– Он просил отнести пакет, только и всего, – повторила Нелл, втыкая булавку в розетку.

– Я бы отнесла для него что угодно и когда угодно! – хихикнула Полли Лэнг. – Сразу видно, что джентльмен!

– Ну откуда ты знаешь? – Нелл посмотрела в круглое, веснушчатое лицо Полли. – Я видела его лишь мельком!

– У него водятся деньжата! Даже если он урод, мне все равно! – Полли насмешливо ухмыльнулась. – Ты ведь видела, как он одет. Роскошный плащ… Сапоги… И какой он… смуглый, таинственный. Люблю, когда мужчину окружает тайна. Не иначе как он итальянский граф или посол, инкернито… как надо говорить?

– Инкогнито, – поправила Нелл, делая первый стежок. – Да, наверное.

Вдали зазвенел колокольчик, и Нелл, испугавшись, уколола палец. Потом она услышала женский голос и немного успокоилась. Он не вернется, внушала она себе, он уже получил то, что хотел. Мадам вряд ли согласится сделать для него еще одну экстравагантную шляпку…

И все же… почему человек, который что-то имеет против Карлоу, выбрал посыльной именно ее? Вряд ли это простое совпадение! Она снова вспомнила сумрачное, сдержанное выражение лица лорда Стейнгейта и вздрогнула. Ей стало жарко и тревожно. Кажется, в нем она нажила себе могущественного врага… И еще где-то ходит таинственный незнакомец, который выбрал ее своим орудием – и вряд ли из лучших побуждений!

Вторая розетка получилась чуть больше первой. Нелл распустила ее и начала работу заново. Отныне ей нужно быть очень, очень осторожной. Хотелось бы знать, во что ее втянули.

Глава 3

Маркус откинулся на спинку сиденья. Он не сводил взгляда с двери черного хода шляпной мастерской, выкрашенной блестящей темно-зеленой краской. За долгие часы, проведенные здесь, он прекрасно изучил и изящную вывеску, и многочисленные модные шляпки в витринах.

Всего сутки понадобились Хокинсу на то, чтобы по образцу выяснить, что шляпки из этого вида соломки делают всего в трех мастерских. Соломку поставляют из деревушки в Бакингемшире, а стоит она вдвое дороже самых популярных образцов, доложил Хокинс. После того как Маркус подробно описал внешность мисс Смит, дочь Хокинса наведалась по очереди во все три мастерские под тем предлогом, что ищет работу. Она доложила, что молодая женщина с такой внешностью работает в Сити, в заведении мадам Элизабет.

Он сидел в «засаде» с четырех часов; карета стояла на углу Поултри, напротив церкви Сент-Милдред – как будто он ждал кого-то из церкви. Дамы входили в мастерскую и выходили оттуда; куда-то несли шляпные картонки, несколько девушек выбежали к пирожнику и поспешили назад, но худощавой девушки с зеленовато-карими глазами он не видел ни разу.

Услышав колокольный звон, Маркус посмотрел на часы. Уже шесть; туман сгущается, клубится за каретами, и факелы и фонари кажутся тусклыми, едва заметными огоньками.

Прищурившись, Маркус на миг отвернулся от двери. Как раз в тот миг из мастерской вышла стайка молодых женщин. Весело переговариваясь, модистки застегивали накидки, закутывались в шали. Они расходились по домам.

– Джон! Вон за той, что повыше. Она только что прошла мимо Мэншн-Хаус[3]. Только чтобы она нас не заметила!

Увидев, какой у девушки усталый вид, Маркус невольно посочувствовал ей. Наверняка вставать ей приходится ни свет ни заря, а потом целый день сидеть в мастерской и напрягать глаза и спину. Вот мисс Смит остановилась на углу, пропуская тележку угольщика, и чуть согнулась в пояснице. Потом осторожно пошла через дорогу, обходя грязь и лужи. Взглянув на ее жалкие юбки, мальчишка-подметальщик отвернулся и принялся угодливо мести улицу перед юристом с париком в руке, ожидая чаевых.

Да, она явно зарабатывает себе на жизнь честным трудом… По крайней мере, в одном она не солгала. Маркус заглушил искру сочувствия воспоминанием о том, как плохо утром выглядел отец. Лицо у него было серое, утомленное, хотя он и уверял, что отлично отдохнул, и даже улыбнулся леди Нарборо. Граф отказался написать Хэлу о случившемся, а когда леди Нарборо спросила его мнения относительно закладки рощи в Стейнгейт-Холл, он только отмахнулся. Прошлое давило на графа тяжким грузом. В отсутствие таинственного смуглого незнакомца Маркус мог винить в состоянии отца лишь одну особу, которая свернула на Треднидл-стрит. Джон придерживал лошадей, не обращая внимания на окрики других кучеров. Вечером, когда на улицах столько прохожих и карет, «мисс Смит» вряд ли их заметит. Потом она повернула на Бишопсгейт-стрит. Она шла опустив голову и сложив перед собой руки. Шла довольно быстро – видимо, она хотела как можно быстрее добраться до дому.

Маркусу показалось, что она пройдет пешком до самого Шордича. Вдруг «мисс Смит» повернула направо, в узкую улочку. Карета едва протиснулась за ней следом. Маркус опустил стекло и высунулся из окошка. Улица была почти пустынна. «Мисс Смит» шагала вперед не оглядываясь. Неожиданно в окне хлопнул ставень, одна лошадь всхрапнула и метнулась в сторону. Джон громко выругался, и она обернулась через плечо. Маркус мельком

[3] Мэншн-Хаус – официальная резиденция лорд-мэра лондонского Сити.

увидел бледное овальное личико под темной шляпкой. Девушка на миг нахмурилась, а потом зашагала дальше.

– Потише! – негромко приказал Маркус, когда кучер снова выругался – на сей раз себе под нос. Впереди показался настоящий лабиринт узких переулков; карета не могла там проехать. – Стой! —

Маркус спрыгнул на землю и поднял воротник от ветра. – Поверни за угол и жди меня.

– Слушаю, милорд!

Маркус огляделся. Где они? Вскоре он понял, что «мисс Смит» направляется в сторону церкви Спитлфилдз. Он следовал за девушкой, стараясь держаться в тени.

Не заметив, он задел каблуком бутылку. Послышался звон бьющегося стекла. «Мисс Смит» обернулась, увидела преследователя и побежала. Маркус погнался за ней; расстояние между ними стремительно сокращалось. Но он споткнулся о скользкий булыжник и подвернул ногу; чтобы не упасть, выставил руку и прислонился к стене. Невольно чертыхнулся – распорол перчатку. Когда он отдышался и снова посмотрел вперед, «мисс Смит» бесследно исчезла.

Впереди темнели повороты в тесные переулки – их оказалось не меньше пяти. Ругаясь вполголоса, Маркус признал свое поражение и побрел назад, к карете.

Напряженно вслушиваясь, Нелл прижималась к воняющей мочой стене. Шаги удалялись. Зажав нос, она осторожно выбралась из своего убежища и посмотрела в узкий проход. Никого! Ее преследователь ушел…

Кто за ней гнался? Явно не лорд Стейнгейт. Откуда ему знать, где она работает? Может, мистер Салтертон захотел узнать, чем все закончилось, – или, еще хуже, вознамерился навеки заткнуть ей рот? Нелл вздохнула. Скорее всего, за ней погнался какой-нибудь случайный повеса или вор, который рассчитывал поживиться ее тощим кошельком.

С другой стороны… воры не ездят в каретах. Итак, остаются Салтертон либо повеса-хищник.

Дрожа, Нелл решила, что уж лучше бы случайный повеса; она сомневалась, что удар коленом в пах остановит мистера Салтертона.

Дойдя до Дорсет-стрит, она нарочно прошла мимо своего дома до угла и ждала еще почти десять минут, но ничего подозрительного так и не заметила.

Усилием воли она заставила себя подняться на четвертый этаж. Больше всего ей хотелось сразу же рухнуть на кровать и с головой укрыться одеялом. Нелл заставила себя разжечь камин, затем вышла на площадку – общая прислуга оставляла там воду для жильцов, – наполнила чайник, сняла накидку и шляпку и без сил опустилась на стул.

Одинокая женщина совершенно беззащитна! При мыслях о мужчинах, которые охотятся за теми, кто слабее, Нелл невольно стиснула кулаки. Хищники преследуют женщин в толпе, на оживленных улицах. Или в домах, в каморках вроде той, что занимает она… Перед глазами все поплыло, она почувствовала спазм в животе. Нет, сейчас она не станет думать об этом!

Впервые в жизни ей отчаянно захотелось, чтобы у нее появился покровитель – сильный, решительный мужчина. Похожий на виконта Стейнгейта. Она закрыла глаза и позволила себе помечтать о том, как прячется за его широкой спиной, а тот убивает загадочного мерзавца, который посмел ей угрожать… Нет, на самом деле это слишком ужасно! Нелл встала и заварила чай. Меньше всего ей хочется быть свидетельницей насилия, да и виконт вряд ли по-рыцарски выручит ее. И все же… Оружие – вот то, что ей нужно! Где-то она спрятала дамский пистолет, который мама всегда носила с собой в сумочке. Мама не собиралась никого убивать; скорее всего, ее пистолет даже не был заряжен. Но вид оружия способен отпугнуть случайного распутника.

После недолгих поисков Нелл нашла пистолет и осторожно заглянула в дуло. Интересно, как узнать, заряжен он или нет? Нелл открыла окно, подняла пистолет повыше, нажала на спусковой крючок и зажмурилась, приготовившись к грохоту. Но выстрела не последовало; она даже щелчка не услышала. Значит, не заряжен… Что ж, пистолет можно носить с собой!

Несмотря ни на что, квартирка в мансарде перестала казаться ей безопасным убежищем. Нелл повернула ключ в замке и приставила к двери стул. Неужели придется снова бежать?

На следующий день гнетущая тревога переросла в гневное желание сопротивляться. Будь она проклята, если какой-то злодей или повеса вынудит ее переехать! Квартирка не бог весть какая, но здесь чисто, сухо, и соседи ей попались простые и добрые. В конце концов, она не безоружна – у нее есть пистолет. Она может за себя постоять.

Так думала Нелл, сидя в ярко освещенной, теплой мастерской. По пути домой она уже не так храбрилась.

Она то и дело оглядывалась через плечо, но ни разу не заметила за спиной подозрительного незнакомца. Должно быть, вчера за ней погнался какой-нибудь распутник, который увидел одинокую женщину и решил попытать счастья. Со вздохом облегчения она повернула на Дорсет-стрит. Вот и дом!

От холода пальцы замерзли, и она не сразу достала из сумочки ключ. Нечаянно задела пистолет, раздался щелчок, и в ту же минуту она увидела высокую мужскую фигуру. Фигура вышла из тени всего в нескольких шагах от нее. Оцепенев от страха, Нелл выхватила пистолет из сумочки и прицелилась.

– Я вооружена! Прочь! – Рука у нее дрожала; пришлось поддержать ее второй.

– Мисс Смит, уберите, не то поранитесь.

Лорд Стейнгейт?! Он остановился всего в шаге от нее, дуло пистолета было направлено ему в грудь. Освещение было скудным, лицо его скрывала тень, но Нелл сразу узнала его низкий голос.

– Пистолет нацелен в вас, милорд, – заметила она. – Так что если кто-то и поранится, то точно не я. – Сердце глухо колотилось в груди, в животе все сжалось, а бежать было некуда. И все-таки он не увидит ее страха!

– А стрелять вы умеете? – осведомился Маркус – как ей показалось, не злобно, а скорее заинтересованно. Нелл пожалела, что в темноте не видит его лица.

– Конечно, умею! Сначала я целюсь в злодея, который меня преследует, а потом нажимаю на спусковой крючок! С такого расстояния я вряд ли промахнусь! – Если удастся удержать его на расстоянии, есть надежда, что ее услышит кто-нибудь из соседей. А скоро вернется с работы Билл Уоткинс – рослый, крепкий каменщик…

– Я сожалею, что так сильно напугал вас, мисс Смит, – произнес он так хладнокровно, что она пришла в бешенство. – Я хочу поговорить с вами.

– Поговорить – как позавчера? Запереть где-нибудь и угрожать судом? Так это вы вчера преследовали меня?!

– Да. Прошу прощения, что встревожил вас. – Он чуть продвинулся вперед, и теперь свет фонаря обозначил его решительный профиль.

– Встревожили? О нет-нет, что вы! – хмыкнула Нелл. – Мне показалось, что за мной гонится негодяй, который хочет меня изнасиловать… А может, мистер Салтертон решил избавиться от свидетельницы… Так что с моей стороны было бы очень глупо… тревожиться, как вы выразились.

– Проклятье… – Виконт прижал руку ко рту, словно скрывая улыбку. – Я не собирался делать вам ничего плохого. Хотел узнать, где вы живете, и поговорить. Но вы побежали, и мне пришлось…

– …погнаться за мной. Все ясно. Вы, как гончая, инстинктивно кидаетесь в погоню за всеми, кто убегает. Очень мило! – Маленький пистолет вдруг показался ей ужасно тяжелым. – Как здоровье графа?

– Немного лучше… но не благодаря вам, мисс Смит. – Виконт больше не оправдывался. – Он сейчас много спит. Его угнетает собственная слабость.

– Могу себе представить. Моя мать… – Нелл резко осеклась. Какое дело этому человеку до ее матери? И все же почему ей так хочется довериться ему? Должно быть, все дело в силе, которую он излучает. – Пожалуйста, уходите! – сказала она, крепче сжимая пистолет. Краем глаза она уловила движение в конце улицы. Карета! – Я не желаю с вами разговаривать!

– Зато я желаю.

– Вы, милорд, всегда получаете то, что хотите?

– Как правило. – Он криво улыбнулся – словно какой-то непонятной шутке. – Прошу вас, сядьте в карету. Там тепло, и мы поговорим без помех.

– Нет! – Нелл попятилась, отыскивая ногой ступеньку, и поняла, что ей не хватает рук. Надо отпереть дверь… Правда, он может ворваться в дом следом за ней. – Стойте где стоите!

Она невольно подняла пистолет повыше. Вдруг виконт шагнул в сторону и ловко схватил ее за запястье.

– Пустите!

– Нет! – Нелл вырывалась, но вскоре поняла, что ей с ним не совладать. Она хотела позвать на помощь, но он зажал ей рот рукой в перчатке. Нелл укусила перчатку за палец и лягнула его ногой. Маркус дернулся, и вдруг раздался выстрел.

Вздрогнув от неожиданности и почти оглохнув, Нелл отшатнулась. *Пистолет все-таки был заряжен?* Обернувшись, она увидела, что лорд Стейнгейт держится за левое плечо.

– Дьявол! – произнес он сквозь зубы. – Вы чуть не убили меня!

– Я не собиралась никого убивать… пистолет не был заряжен! Я проверяла!

Нелл не заметила, как карета подъехала к ним вплотную. В доме распахивались окна, послышались крики. Высокая фигура пошатнулась; кучер спрыгнул с козел.

– Милорд!

– В карету ее! Быстро!

– Нет! Я… – Нелл почувствовала, как ее хватают сильные руки и заталкивают в карету. Следом за ней запрыгнул виконт.

В доме открылась дверь. Кто-то закричал:

– Убийство! На помощь!

Нелл потянулась к дверце, но виконт дернул ее на себя с такой силой, что оба ахнули.

– Вы меня ранили! – процедил он сквозь зубы. – Неужели хотите, чтобы я умер от потери крови?

– Я отвезу вас домой, милорд, держитесь! – Кучер хлестнул лошадей.

Маркус с трудом расстегнул пальто. Нелл отбросила его руку и поспешно спустила пальто с его плеч. Сейчас самое главное – остановить кровь. Хотя… поделом ему, мстительно подумала она. Из глубины души поднимался первобытный страх. *Она ранила человека!*

Карета неслась, грохоча по мостовой. Вскоре они повернули на светлую, людную улицу. Нелл сняла с виконта пальто, расстегнула сюртук и жилет.

– Сидите тихо, я сама вас раздену! – прикрикнула она, когда он попытался ей помочь.

Маркус тихонько рассмеялся.

Разглядывая его рубашку, Нелл соображала, какую часть оторвать, чтобы пустить на бинты. Она старалась не думать о том, что увидит, когда снимет с него окровавленную рубашку. Маркус уже не пытался ей помочь; ей показалось, что он вот-вот потеряет сознание.

Пришлось прижать его к себе, чтобы ловчее орудовать; в ноздри ударил запах крови.

Раздев его, она отстранилась и прищурилась, разглядывая рану, хотя в темноте увидеть что-либо оказалось нелегко. Пуля прошла навылет, и Нелл невольно вздохнула с облегчением. Могло быть и хуже!

Кровь текла из раны ручьем. Нелл скомкала рубашку и прижала ее к ране. Маркус невольно застонал – видимо, он терял сознание. Нелл задумалась. Нужно сделать тампон из чего-нибудь потоньше, а привязать его можно и носовым платком.

Нелл решительно задрала юбки и оторвала полосу от нижней сорочки. Затем быстро свернула тампон, прижала его к ране и начала бинтовать.

Голова виконта беспокойно дернулась, и он пришел в себя.

– Не двигайтесь, милорд, иначе мне не удастся вас забинтовать.

– Больно-то как… – Он нахмурился. – Не знаю, почему так кружится голова? Хэл говорил, огнестрельные раны не болят… Лгун паршивый!

– У вас кружится голова, потому что вы потеряли много крови. А боль послужит вам хорошим уроком, милорд, – парировала Нелл, заканчивая перевязку. – С вами и правда нелегко иметь дело!

Они проехали мимо нескольких роскошных особняков; у ворот горели факелы.

При свете она явственно разглядела его голый торс и подумала, что у него не изнеженное тело. Он был крепок и мускулист. Откуда у него столько шрамов и кровоподтеков? Синяки… ах да, наверное, он занимается боксом. А шрамы откуда?

Нелл невольно провела ладонью по его груди, по жесткой поросли черных курчавых волос. Неожиданно у нее перехватило дыхание. Как он красив! Раненый пошевелился, и она тут же отстранилась, вспомнив, кто он и где она находится.

– Сидите тихо, милорд! – приказала она.

Повязка уже пропиталась кровью. Нелл встала коленями на сиденье и обеими руками надавила на тампон.

– Маркус, – прошептал он.

– Что?

– Меня так зовут. По-моему, глупо называть меня «милорд» после того, как вы наполовину раздели меня.

Он что, издевается над ней? Нелл вскипела.

– Так вот, *милорд,* – подчеркнуто заявила она, – мы почти на Албемарл-стрит. Будьте так любезны, велите вашему кучеру отвезти меня домой, как только вы окажетесь дома!

– О нет, мисс Смит! – Маркус слабо улыбнулся. Хотя она почти вскружила ему голову, он больше не поддастся. – Либо вы останетесь здесь, либо я прикажу Джону везти вас прямиком на Боу-стрит и обвинить в покушении на убийство!

Глава 4

– Остаться здесь? Хотите сказать – пойти с вами в дом? Нет! За что вы со мной так? Почему не верите мне?

Когда колесо наехало на булыжник, виконт заскрипел зубами. И все же голос у него оставался спокойным и решительным:

– Вы меня обманули. Вы не портниха, а ваша фамилия – не Смит.

– Ах так? Ну ладно! – Нелл понятия не имела, как он ее нашел, но это случилось, и теперь придется смотреть правде в глаза. – Моя фамилия Латам, Нелл Латам. Конечно, я вас обманула! Вы злились, вы обвиняли меня во всех смертных грехах! Вы гораздо сильнее меня, милорд, – с горечью добавила она, стараясь потуже завязать повязку. – Я защищаюсь как могу. Да сидите же вы тихо, не то совсем истечете кровью!

– Как я могу усидеть тихо, если вы все время давите мне на рану? – Не похоже было, что виконт снова готов потерять сознание.

Карета неслась вперед, громыхая по булыжникам; на такой скорости опасно спрыгивать на ходу.

Нелл перестала задумчиво разглядывать дверцу кареты и посмотрела на своего пациента.

– Я пытаюсь остановить кровь, – проворчала она. – Итак, вы почти дома. Требую, чтобы ваш кучер немедленно доставил меня домой. И нечего запугивать меня полицейским судом! – прикрикнула она, стараясь воздействовать на него доводами разума.

– Вы меня ранили. – Его серые глаза потемнели от боли, но не утратили силы. – Стрелять в виконта – не шутка. За такое могут и повесить!

– Вам прекрасно известно, что я защищалась, – парировала она. – Порядочная женщина возвращается вечером к себе домой, и вдруг на нее набрасывается рослый, сильный мужчина… Что прикажете делать?

– Кричать, – предложил он. – Ударить меня сумочкой… Вот чего ожидаешь от женщины. Кстати, почему порядочная женщина разгуливает по Лондону, вооружившись пистолетом?

– Потому что в Лондоне полно мужчин, которые рады использовать женщин в своих играх! – отрезала она, в страхе забыв о сдержанности.

– То, что произошло, Нелл, игрой не назовешь, – заметил Маркус.

– Если угодно, милорд, я предпочла бы обращение «мисс Латам». Я не позволяла вам называть меня по имени. – Карета повернула на Пикадилли, лошади перешли на шаг. Сердце у нее бешено колотилось, она соскользнула с сиденья и присела на корточки. – У меня в сумке есть ножницы. Сейчас отрежу еще бинт…

Она схватилась за ручку дверцы, но сильные руки обхватили ее сзади и не дали выпрыгнуть из кареты. Лошади перешли на рысь, Нелл упала на сиденье рядом с полуобнаженным виконтом. Дверца захлопнулась, карета дернулась, кучер хлестнул лошадей, и Нелл, чтобы не упасть, инстинктивно вскинула руки.

Она слишком поздно сообразила, что одной рукой обнимает виконта за шею, а лицом прижимается к его голой груди. Свободной рукой он притянул ее к себе; услышав его хриплое дыхание, она принялась вырываться. Ей удалось чуть приподняться, и они оказались лицом к лицу, так близко, что она чувствовала его дыхание на своих губах и видела в свете фонаря, мимо которого они проезжали, что он не сводит с нее взгляда, от которого ее захлестывает жар.

Его глаза горят желанием! Погоня и стрельба распалили его, а ей некуда податься. Она полностью в его власти… На миг его желание передалось и ей, она тоже загорелась.

Должно быть, желание отразилось у нее на лице – а может, он услышал, как у нее перехватило дыхание.

Он впился в нее горячими губами. Увидев, что она горит от страсти, он действовал не раздумывая.

У Нелл закружилась голова. Захотелось безоглядно отдаться на волю всепоглощающей страсти, забыть о страшной действительности. Он не делал скидки на ее неопытность; его губы и язык оказались властными и требовательными. Впившись в нее поцелуем, он рывком посадил ее себе на колени, и она почувствовала, как растет, набухает его мужское естество.

Она не знала, что разрушило чары. Какой-то звук, игра света и тени, прикосновение? Один миг – и ее снова окружили мрачные воспоминания, а вместе с ними надвинулись стыд и страх. Больше ей не хотелось уступить ему, состязаться с ним в силе желания. Нелл почувствовала себя маленькой и беззащитной, ей захотелось вырваться и бежать прочь от этого человека.

Только что в его объятиях была гибкая, теплая, податливая женщина – и вот она отчаянно вырывается, отбивается руками и ногами, страстные стоны сменились рыданиями:

– Нет, нет, нет!

Маркус разжал руки. Голова у него кружилась от боли, потери крови и желания.

– Нелл, не кричите. Я не… Нелл, все хорошо…

Она отодвинулась и замолотила по его плечам кулаками. Боль в ране стала невыносимой, вокруг все почернело. Из последних сил он снова притянул ее к себе:

– Нелл… я не сделаю… ничего плохого!

– Милорд!

Чей это голос? Уэллоу? Голос доносится издалека, как будто со дна глубокого колодца. Он упал в колодец? Так вот почему так больно! Маркус решил, что сломал плечо. Теперь понятно, почему ему холодно и больно, но непонятно, почему вокруг все шатается и что за свет пробивается сквозь сомкнутые веки.

Маркус нехотя разлепил веки. Оказалось, что он не на дне колодца, а в собственной карете, перед собственным домом – и почему-то полураздет. Уэллоу и три лакея встревоженно смотрят на него.

– К-какого черта?

– Несите его в дом, – произнес решительный и раздраженный женский голос. – И пошлите за доктором! В него стреляли; пуля прошла навылет, но он потерял много крови. Торопитесь, иначе он простудится и умрет!

– Почему вы распоряжаетесь? – Неожиданно ему стало смешно. Какая решительная женщина. Вот бы вспомнить, кто она и почему…

– Кто-то ведь должен! – отрезала она.

Ах да. Мисс… как там…

– Нелл… Твои губы как вишни…

– Вам придется его понести, – продолжала она, не обращая внимания на его бред.

– Я могу идти сам.

Маркус с трудом встал и прислонился к дверце. Потом, пошатываясь, вышел из кареты. Его тут же подхватили под руки с обеих сторон и повели к дому.

– Черт побери, я ведь не пьян!

– Да, милорд, – успокоительно прогудел Ричардс. – Конечно, вы не пьяны. Сейчас мы отведем вас в дом.

В теплом и светлом холле его передернуло; он только сейчас понял, как замерз. Маркус освободился от поддержки и выпрямился. Будь он проклят, если его придется нести в собственную постель после того, как его ранила из крошечного пистолета какая-то девчонка!

Память понемногу возвращалась к нему. Его ранила не «какая-то девчонка», а Нелл Латам, и она же очень ловко остановила кровотечение и забинтовала его в карете…

Он медленно повернулся к ней. Нелл ответила ему дерзким взглядом. В руках она сжимала его окровавленную рубашку и продырявленное пулей пальто. Неожиданно он вспомнил, что еще произошло в карете. Он впился в ее губы поцелуем, словно раненый варвар, который тащит домой добычу. В ее глазах снова промелькнул страх; словно она испугалась, что он вот-вот схватит ее и повалит на мраморный пол.

– Питерс, возьмите у мисс Латам испачканную одежду, а ее саму проведите в Белый салон. Принесите ей теплой воды и полотенце для рук. Ричардс, пошлите за доктором; похоже, ему придется у нас поселиться! Уэллоу, попросите Оллсопа спуститься в библиотеку и принести мне рубашку и халат. Доктор может осмотреть меня и внизу; нет смысла привлекать к происшествию внимание всей родни. Да, Уэллоу, не нужно беспокоить лорда и леди Нарборо и моих сес…

– Маркус!

– Онория, прошу тебя, не кричи! Папа услышит.

Сестра бросилась к нему, вытаращив глаза. При виде крови лицо у нее побледнело. И все же Онория осталась верна себе: помимо тревоги, она не скрывала живого любопытства.

– Что случилось? И кто это?

– Это мисс Латам; она оказала мне помощь, когда меня ранили, – без запинки ответил он. – Будь добра, проводи ее в салон…

– Маркус!

– Мама… – Похоже, скрыть происшествие не удастся! Маркус стиснул зубы и понадеялся, что ему удалось изобразить бодрую улыбку. – Произошел несчастный случай. Меня ранили – к счастью, несерьезно. Благодаря мисс Латам я вне опасности, кровотечение остановилось. Я послал за доктором и хочу переодеться. Не могли бы вы все перейти в Белый салон? Мисс Латам нужно отдохнуть. У нее выдался нелегкий вечер.

При виде его окровавленного торса леди Нарборо тихо ахнула, но кивнула, взяла Онорию за руку и улыбнулась сыну:

– Конечно. Раз доктор Роулендс уже едет, можно не волноваться. Пойдем, Онория. Мисс Латам, мы очень благодарны вам за помощь.

Он заметил, что мисс Латам покраснела. Да и как может быть иначе – ведь ранила-то его она.

– Леди Нарборо, я постаралась помочь, чем могла. Прошу меня извинить, но мне пора домой.

– Но мисс Латам, вы забыли наш уговор? – Маркус подошел к ней и улыбнулся. Она посмотрела на него с таким видом, словно он не улыбнулся, а зарычал на нее. – По-моему, сейчас для вас безопаснее всего будет остаться здесь.

– Безопаснее? – Глаза ее засверкали, подбородок взметнулся вверх, и Маркус невольно восхитился ею. – Значит, вы не шутили, когда угрожали мне! – Оглянувшись, она понизила голос.

– Что вы, мисс Латам. Я никогда не угрожаю понапрасну.

– Вы обещали, что не сделаете мне ничего плохого, – возразила она.

– Совершенно верно… если вы останетесь здесь.

По крайней мере, в их доме ей нечего опасаться угрозы извне. Но если она в самом ближайшем будущем не объяснит ему, что происходит, он ее придушит!

– Марк, ты сказал «угрожать»? – оживилась Онория, обладавшая не только зоркими глазами, но и острым слухом.

– Меня ранили на улице, недалеко от дома мисс Латам. Мне кажется, что сейчас ей опасно возвращаться туда, – ответил Маркус, тесня трех женщин к салону.

– Лорд Нарборо звонит.

Все повернулись к лестнице и увидели мисс Прайс.

– Я услышала звонок и решила вам сказать. Если на его зов никто не придет, боюсь, он сам спустится вниз.

– Совершенно верно, – подтвердил лорд Нарборо, появляясь на верхней площадке в зеленом шелковом халате с тростью в руке. – Я звоню уже пять минут! Что у нас такое происходит? – Он увидел окровавленного сына и схватился за перила. – Господи, Маркус! Что с тобой?

– Легкая рана – можно сказать, царапина. Выглядит хуже, чем есть на самом деле. – Маркус взбежал наверх, видя, что у отца подгибаются колени. – Отец, прошу вас, возвращайтесь в постель. Доктора я уже вызвал. – Посмотрев на бледное лицо отца, Маркус взял его за руку и осторожно повел в спальню. За спиной зашуршали мамины юбки. – Сейчас я вам все расскажу.

Нелл сидела на стуле с высокой спинкой, выпрямившись – как будто такая осанка могла защитить ее от враждебности. Хорошо бы никто из них ее не узнал, не понял, что именно она принесла злополучный пакет! О том, что совсем недавно произошло в карете, она предпочитала вовсе не думать. Все слишком ужасно, слишком сложно для того, чтобы размышлять сейчас, несмотря на то что ее била предательская дрожь.

Леди Онория села напротив гостьи, ее глаза лучились любопытством. Нелл заметила, что сестра Маркуса очень хорошенькая, нарядная и энергичная. Да, за такой сестричкой глаз да глаз! Рядом с Онорией стояла еще одна молодая женщина, чуть постарше, одетая просто, но со вкусом. Нелл заметила, что ее темно-серое шелковое платье явно самодельное. Наверное, платная компаньонка…

Компаньонка вызвала прислугу и села рядом с леди Онорией.

– Я Диана Прайс, компаньонка леди Онории и леди Верити. Сейчас нам принесут чай. Вы сами не пострадали, мисс Латам?

– Нет… к счастью. Однако поволноваться пришлось.

– На вас напали разбойники? – оживилась леди Онория.

– С пистолетом? – возразила мисс Прайс. – Разбойники редко ходят с пистолетами. – Она внимательно посмотрела на Нелл и спросила: – Что, собственно, произошло?

– Я стояла на крыльце своего дома и искала в сумке ключ от двери, – осторожно заговорила Нелл. – Лорд Стейнгейт проходил мимо. И вдруг на него напали… В схватке пистолет выстрелил, и его ранило в плечо. К счастью, кучеру удалось усадить его в карету.

– Поразительно!

Нелл тяжело вздохнула. Леди Онория явно не заметила многих недоговоренностей и пробелов. Зато мисс Прайс, напротив, мерила Нелл холодным, умным взглядом и о чем-то размышляла.

Нелл очень обрадовалась передышке в лице дворецкого, который принес чай. Ритуал разливания чая и передачи друг другу чашек свел разговор к обычной светской беседе. Нелл с аппетитом съела миндальное печенье и немного расслабилась – как выяснилось, напрасно.

– А я ведь уже видела вас, мисс Латам, – сказала леди Онория, сосредоточенно сдвинув брови. – Верно, видела! Только вот где?

– Я хорошо себя чувствую, не беспокойся, милая. – Граф с трудом улыбнулся жене, когда Маркус помог ему усесться в мягкое кресло с подголовником. – Ты позволишь нам поговорить?

Маркус обернулся, переглянулся с матерью и кивнул ей в знак того, что все будет хорошо.

– Не утомляй его, – только и сказала леди Нарборо и, шурша шлейфом платья, вышла.

– Кто в тебя стрелял? – осведомился отец.

– Мисс Латам, та самая молодая особа, что позавчера принесла вам пакет. – Маркус старался говорить отрывисто и сухо. Он знал, что отца ничто так не огорчило бы, как полуправда и недомолвки. – Я выяснил, где она работает, где живет… и подкараулил ее у дома. Видимо, она испугалась, когда я неожиданно вышел из тумана. Оказывается, она носит с собой в сумочке пистолет.

Как будто воспоминания затронули какой-то нерв, он снова почувствовал острую боль в ране. Маркус стиснул зубы, с тоской посмотрел на графин с бренди. Он потерял много крови, и пить сейчас опасно. Ему нужна ясная голова.

– Она хотела тебя убить? – Маркус заметил, как побелели костяшки отцовских пальцев, сжимавших набалдашник трости.

– Не знаю. – Маркус сам себе удивлялся. Почему он сомневается? Нелл отлично видела, кто он, и тем не менее целилась ему прямо в грудь. И почему она утверждала, что пистолет не заряжен, хотя и не отрицала, что он принадлежит ей? – Она что-то скрывает. Я намерен задержать ее у нас на день-два. Попробую узнать правду. Похоже, она знает о веревке больше, чем говорит!

Он невольно вспомнил ее пистолет – дорогой дамский пистолет с рукояткой из слоновой кости. Такой не купишь случайно, за гроши. Откуда он у нее, если не от сообщника?

– Кто помнит ту старую историю? – нахмурился лорд Нарборо. – Я хочу сказать – сейчас. В девяносто четвертом мишенью мог стать любой из нас; после гибели Хебдена и Уордейла я остался один… – Граф глубоко вздохнул. – Тогда кипели страсти…

Маркус подумал, что отец явно преуменьшает. Тогда разразился громкий скандал, который не утихал еще долго. А отца до сих пор терзают угрызения совести…

– С тех пор прошло почти двадцать лет, – задумчиво проговорил он. – Сейчас сын Уордейла уже взрослый.

– Молодой Натан? Да, он теперь взрослый мужчина. Последний раз я видел его, когда ему было лет девять или десять. Тогда он был светловолосым, большеглазым, очень серьезным мальчиком. – Лорд Нарборо нахмурился. – Не думаю, что…

– Мисс Латам – безусловно женщина, – вслух размышлял Маркус. – Говорите, светловолосый? Значит, тот смуглый незнакомец, о котором рассказывала Нелл, – вряд ли Натан Уордейл.

– А может, она снова обманывает тебя, намеренно неправильно описывая внешность своего сообщника, – возразил граф, слегка наклоняясь вперед. – Может быть, она – его любовница?

– Нет! – Маркус сам удивился своей пылкости и тут же поспешил объясниться: – Она живет в Спитлфилдз, в захудалом доходном доме. Не в трущобах, конечно, но… любовниц в таких квартирах не селят.

– Кому и знать, как не тебе. – Отец неожиданно усмехнулся. – Ты еще не договорился с миссис Дженсен? Отдаю должное твоему хорошему вкусу. Говорят, она – дорогая женщина!

– Нет, еще не договорился, сэр, – хладнокровно ответил Маркус. Откуда графу известно о существовании прекрасной Памелы и о ее запросах? Нет, отца все-таки нельзя недооценивать.

– Итак, что ты намерен с ней делать?

– С кем – с миссис Дженсен? – Маркус прекрасно понял, о ком речь, но нарочно тянул время.

– Нет, с мисс Латам. – Граф весело улыбнулся. В последнее время Маркус нечасто вспоминал, от кого Онория и Хэл унаследовали склонность к сумасбродству, но сегодня семейное

сходство бросалось в глаза. Возможно, волнение плохо сказывалось на отцовском сердце, зато он необычайно оживился и развеселился. – По-твоему, она решила истребить нас всех?

– Сомневаюсь. Не такая она дура, – сухо ответил Маркус. – Она останется здесь. Если ее сообщник поймет, что она в наших руках, возможно, он начнет действовать.

– Как же ты намерен удерживать ее здесь – силой? Кстати, что скажет твоя матушка?

– Я пригрозил мисс Латам Боу-стрит и обвинением в покушении на убийство, – объяснил Маркус.

Граф широко улыбнулся:

– Прекрасно! Как она отнеслась к твоему предложению?

– Горячо возражала, но, поскольку при этом она рвала свою нижнюю юбку на бинты, она не могла вести спор убедительно.

– Она не позволила тебе умереть от потери крови, что свидетельствует в ее пользу, – заметил граф. – Представь, что она упала бы в обморок и бросила тебя истекать кровью!

В дверь постучали.

– Доктор Роулендс к лорду Стейнгейту, милорд.

– Сейчас я к нему спущусь. – Маркус встал и положил руку отцу на плечо. – Не волнуйтесь, отец. Скоро мы докопаемся до сути!

– Интересно, что же мы откопаем? – услышал он, когда за ним закрывалась дверь.

Нелл начало казаться, что она фехтует против двух очень умелых противников. Мисс Прайс, безупречно вежливая, казалось, подвергает сомнению каждое сказанное ею слово. Она недоверчиво улыбалась и только что открыто не обвиняла Нелл в том, что та намеренно стреляла в лорда Стейнгейта.

Сидящая рядом с ней леди Онория все никак не могла вспомнить, где же она видела Нелл.

– На вас очень милая шляпка, – заметила мисс Прайс.

– Шляпка? – Нелл ощупала голову. Странно! После стольких событий шляпка по-прежнему у нее на голове. Лорд Стейнгейт сдвинул ее в карете, когда целовал ее, и она смутно вспомнила, что кое-как поправила головной убор, когда выходила у дома Карлоу.

– Да. Интересное плетение; я его уже видела. Вы, может быть, модистка?

– Да, вы угадали. – Плетение! Так вот как он ее нашел! После работы к одежде всегда прилипали соломинки, как бы тщательно она ни отряхивалась.

– Ах, вспомнила! – ликующим голосом воскликнула леди Онория. – Ведь это вы позавчера принесли папе пакет, из-за которого ему стало плохо… – Голос ее упал; она поняла смысл сказанных ею слов. – А сейчас ранили Марка, и вы…

– Мисс Латам просто выполняла поручение. А сейчас я с ее помощью надеюсь выяснить, что происходит, – произнес низкий голос с порога, и леди Онория умолкла.

Нелл полуобернулась и посмотрела на вошедшего. Маркус Карлоу, хвала небесам, успел одеться. Между широкими лацканами шелкового халата виднелся распахнутый ворот рубашки. Халат топорщился на левом, забинтованном плече; рука покоилась на перевязи. Она немного успокоилась, но тут же вспомнила, где находится. Она совсем потеряла голову! Почему ей полегчало, когда она увидела его? Неужели он в самом деле поверил ее рассказу насчет пакета? Нелл перехватила его веселый взгляд и решила: нет, он ей нисколько не верит.

– Мисс Латам немного погостит у нас, – продолжал лорд Стейнгейт.

– Сомневаюсь, милорд. Я рассказала вам все, что знаю.

– Но, мисс Латам, – улыбаясь, он сел в кресло с подголовником наискосок от нее, – кто-то стрелял в меня. Возможно, вам тоже грозит опасность. Мы с вами уже говорили о такой возможности…

Он имел в виду свою угрозу обвинить ее в покушении на убийство!

– Что ж, положусь на судьбу, – ответила она, впервые после поцелуя глядя ему прямо в глаза. Она сразу поняла, что успокаиваться рано.

Ее словно обдало жаром, кровь прилила к щекам. Она живо вспомнила его гладкую кожу, крепкие мускулы, уверенный, властный поцелуй… Он хотя бы помнит, что произошло в карете, – или целовал ее в полубессознательном состоянии?

Серые глаза словно подернулись коркой льда; Нелл решила, что ничего нельзя сказать наверняка.

– Мисс Латам, я без труда выяснил, где вы живете, – сказал виконт. – Думаю, что и другие легко найдут вас. – Он терпеливо ждал, когда она поймет, что он имеет в виду. Нелл вздрогнула. Она живо представила себе смуглого незнакомца – и снова ей почему-то померещились ножи.

– Хорошо, я останусь на день или два, если леди Нарборо позволит, – согласилась она, сама себе удивляясь. Ей показалось, будто она уступила нечто гораздо большее, чем несколько дней жизни.

Глава 5

– Мой дорогой Карлоу, Маркус! – Маркус встал, когда в библиотеку вошел лорд Кеддинтон – само изящество с головы до ног. – Что я слышу? Вы больны? Вас ранили? – Светлые глаза лорда Кеддинтона горели любопытством.

– Всего лишь чья-то глупая шутка и столкновение с разбойником, – беззаботно ответил Маркус. – Моя рана – просто царапина. – Он хорошо выспался, и его плечо уже не так болело, как вчера. – Выпьете вина, сэр?

– Благодарю вас. Если у вас еще остался тот восхитительный кларет, я, возможно, просижу у вас все утро. Разбойник, говорите? В самом деле, по ночам в наши дни на улицах небезопасно! – Улыбнувшись, Роберт Вериан, лорд Кеддинтон, устроился в кресле, закинул одну ногу на другую и, сложив пальцы домиком, стал наблюдать за тем, как Маркус наливает ему вино.

Лорд Кеддинтон, моложе графа на пять или шесть лет, начинал служить одновременно с ним. Когда лорд Нарборо разоблачал шпионов, Кеддинтон официально считался его личным секретарем. С тех пор Кеддинтон сделал головокружительную карьеру. Никто точно не знал, чем он занимается сейчас; говорили, что ему известны многие важные тайны.

– Вы прекрасно проинформированы, сэр. – Маркус протянул гостю бокал, а второй поставил перед отцом. – Как всегда.

– Можете быть уверены, ваши секреты не покидали стен вашего дома. – Кеддинтон поднес бокал к носу, вдохнул аромат и с удовольствием отпил глоток. – К вам я заехал с маленьким подарком для крестницы; она мне все и рассказала.

– Чем же Верити заслужила подарок? – осведомился граф.

– По-моему, ничем – мне кажется, лучше всего дарить дамам подарки без всякого повода. Да и подарок мой пустячный… Безделушка – коробка эмалевых пуговиц, которые я увидел сегодня у Тесье.

– Вы ее балуете.

– Мне небезразличны мои крестники. – Виконт Кеддинтон повертел в руках бокал, наслаждаясь игрой света. – Мне нравится общаться с ними.

– Должно быть, это требует немалых усилий, ведь у вас много крестников, – заметил Маркус.

– Их родители почтили меня честью. – Кеддинтон повернулся к графу. – Говорите, чья-то глупая шутка?

– Какого-нибудь приятеля Хэла, не сомневаюсь, – беззаботно ответил граф. – Пакет наверняка предназначался Марку, а вскрыл его я – и испугался. Решил, что там живая змея! И тут меня опять подвело сердце, будь оно неладно.

– Значит, в пакете была не змея? – Вериан поставил бокал на стол и пристально посмотрел на графа.

– Нет, Вериан, просто веревка. Как поживают Фелисити и дети?

Разговор перешел на семейные дела. Маркус вполуха слушал беседу двух пожилых мужчин, а сам пытался разгадать тайну веревки. Надо будет спросить у отца, стоит ли доверяться Вериану. В конце концов, тому ведь все известно о скандале девяносто четвертого года. Они говорили о прошлом совсем недавно, в Рождество. Тогда Кеддинтон привел к ним в гости своего личного секретаря, молодого человека, который, довольно бестактно, сам заговорил о своем интересе к старому скандалу. Кеддинтон всю жизнь вращается в мире тайн и интриг. От него можно многое узнать. К тому же у него острый ум, он способен навести их на след.

– Позвольте проводить вас, сэр! – Когда приятель отца, наконец, объявил, что уходит, Маркус тоже спустился вниз, хотя у него со вчерашнего дня кружилась голова.

– Записки в пакете не было? – вдруг спросил Вериан.

– Нет. По-моему, кто-то ошибся, только и всего. – Прежде чем доверяться Вериану, надо все же посоветоваться с отцом.

– Конечно. Передавайте мои наилучшие пожелания вашей матушке. Жаль, что я ее не застал.

После того как Уэллоу закрыл дверь за лордом Кеддинтоном, Маркус еще долго смотрел на столик у входа, где лежал сверкающий поднос для писем.

– Уэллоу, где мисс Латам?

Встречу с ней он откладывал все утро. Сон не только умерил боль; выспавшись, он встретил рассвет с более ясной головой, чем накануне ночью. И яснее всего ему представлялась сцена, в которой Нелл вырывалась из его объятий, можно сказать, когтями и зубами. То, что раньше, пусть хотя бы на миг, в ее глазах мелькнул огонь ответного желания, не извиняло его. Он набросился на нее, как голодающий на хлеб!

К завтраку она не спускалась; несомненно, хочет избежать встречи с ним. Было бы легче не доверять ей, если бы оплошности допускала лишь она одна…

– Мисс Латам сейчас в Белом салоне, милорд. Леди Верити только что отправилась за покупками с леди Нарборо, а мисс Прайс сопровождает леди Онорию на примерку. По-моему, мисс Латам читает.

Маркус подумал: следовало бы для приличия пригласить в салон и плененную модистку, чтобы посидела в уголке. Правда, в таком случае вряд ли им удастся поговорить о вчерашнем.

– Мисс Латам!

Она сидела очень прямо за столом у окна; на коленях у нее лежала раскрытая книга, наклоненная голова позволяла любоваться изящным изгибом шеи над простым зеленовато-коричневым лифом платья. При звуках его голоса она подняла голову и закрыла книгу, заложив ее пальцем вместо закладки.

– Да, милорд?

Он внимательно осмотрел ее. Нелл Латам не похожа на усталую, испуганную модистку. Перед ним исполненная собственного достоинства молодая леди, пусть и в простом платье. Похоже, ей было хорошо здесь с книгой, но он нарушил ее одиночество. Потом лицо ее залило краской, и она вскочила – скорее поспешно, чем изящно, разрушив образ. Нет, Нелл не забыла тот проклятый поцелуй!

– Милорд. – Нелл присела, очевидно смутившись тем, что держится с ним как ровня. Вчера вечером она позволила мисс Прайс позаботиться о ней; та дала ей кое-какие предметы туалета. Ужин ей прислали в ее комнату; в роскоши и уюте она забыла свое место.

Мне положено приседать и унижаться, но я не позволю ему воспользоваться своим превосходством надо мной – особенно после вчерашнего! Нелл долго не могла уснуть, лежала с открытыми глазами в темноте и гадала, что на нее нашло. Почему она позволила виконту прикасаться к себе, не говоря уже о том, что сама отвечала ему в тот роковой миг.

– Маркус, – поправил он, вежливо улыбаясь. – Кажется, вчера я просил вас, Нелл, называть меня так. Кстати, не обязательно вставать при моем появлении. Позволите сесть?

– Разумеется, – с убийственной вежливостью ответила она. – Вижу, вы спустились вниз; значит, рана уже меньше вас беспокоит? – Помимо всего прочего, ночью она беспокоилась, что рана загноится и он умрет – а она станет убийцей.

– Мне немного неудобно шевелить рукой, только и всего. Лихорадки нет.

Они одновременно сели по разные стороны круглого стола.

– Милорд, я не могу обращаться к вам по имени, это неприлично и создает впечатление близости… – Она осеклась.

– Значит, вчерашний… инцидент нисколько не сблизил нас? – спросил он, откидывая голову назад и пристально разглядывая ее.

В чем, в чем, а в отсутствии прямоты его упрекнуть нельзя. Кровь отхлынула от ее лица; ей показалось, что на нее дохнуло холодом.

– Да, именно.

– Примите мои извинения. Я забылся и потерял самообладание. Больше такого не повторится.

Внутренний голос велел не верить ему; мужчинам доверять нельзя. Но, взглянув в его искренние, серьезные глаза, Нелл вздохнула. Ее тоже мучила совесть.

– Я… виноваты не только вы один. Мне самой в какой-то миг захотелось, чтобы вы меня обнимали.

– А потом вы передумали?

Она дралась с ним, как фурия, хотя он был ранен и достаточно было просто оттолкнуть его…

– Ммм… да, – ответила она. – Милорд, отпустите меня. Я должна ехать домой.

– Нет, – хладнокровно ответил он, и она со всей ясностью поняла: если понадобится, он применит силу, но удержит ее здесь. – Вы не слишком послушны, Нелл, и я не сомневаюсь, что вам известно многое из того, что мне хотелось бы послушать. Когда мы с вами наедине, извольте называть меня Маркус. Нелл Латам – ваше настоящее имя?

– Да! – По крайней мере, к нему она давно привыкла.

Маркус Карлоу смерил ее недоверчивым взглядом, но промолчал. Затем как будто на что-то решился:

– Вот как нам следует поступить. Вечером мы с вами и мисс Прайс поедем к вам на квартиру и заберем то, что понадобится вам для проживания здесь; мы позаботимся о том, чтобы все ваши ценности оставались в надежном месте…

– Я не могу остаться здесь на несколько дней! У меня есть работа, которой я лишусь, если не появлюсь в мастерской. Сегодня, слава богу, суббота, но в понедельник…

– Я напишу мадам Элизабет и сообщу, что графиня Нарборо требует вашего присутствия в доме, – продолжал он, как будто и не слышал ее. – Стоит лишь намекнуть на наше покровительство в дальнейшем, и ваше место останется за вами.

Леди Нарборо и сестры не поблагодарят его за то, что он навязывает им модистку! Может быть, лучше заказывать там шляпки для любовницы? Нелл не сумела удержаться от ответной колкости:

– Мадам обслуживает спутниц и спутников многих богатых купцов и их жен, – заметила она. – Но возможно, любовнице виконта пристала модистка получше?

Неожиданно лорд Стейнгейт – ей трудно было даже про себя называть его Маркусом – рассмеялся.

– Кстати, вы напомнили мне об одном неоконченном дельце! «Спутница»… какой бледный эвфемизм, Нелл!

– Пассии, райские птички, женщины легкого поведения, дамы полусвета, распутницы, – ответила она. – Так вас больше устроит, милорд… то есть Маркус?

Он снова улыбнулся. Какая у него обаятельная улыбка, особенно когда в глазах пляшут веселые огоньки! Нелл невольно позавидовала его любовнице и сразу вспомнила вчерашний инцидент в карете.

– О чем это я? – продолжал он. – Ах да, с вашей работой мы все устроим. На каких условиях вы снимаете квартиру?

– Я плачу раз в неделю, авансом. Но…

– Мы заплатим вашему домовладельцу… скажем, за месяц вперед, чтобы комната сохранилась за вами.

– Целый месяц?! Невозможно! Я не могу…

– Нелл, по-моему, вы слишком часто говорите «невозможно» и «не могу».

– Что же мне сказать? «Да, Маркус»? «Как скажете, Маркус»? «Как вам будет угодно, Маркус, какими бы нелепыми ни были ваши пожелания»? Милорд, вы слишком привыкли ко всеобщему подчинению! Я не могу остаться здесь на месяц – и не останусь, так и знайте.

– Здесь мы и не останемся, мы уедем за город, в Стейнгейт-Корт, наше фамильное поместье в Хартфордшире. Там мы на досуге обдумаем вашу тайну, отец отдохнет – там превосходный доктор, – а сестры перестанут таскать матушку по модным магазинам.

– За городом я вам не нужна. Кроме того, что я вам уже сказала, я больше ничего не знаю.

– Я вам не верю. Вы лгунья, Нелл, – возразил он, по-прежнему улыбаясь той улыбкой, какую она всего секунду назад сочла такой обаятельной. – Мы с вами оба отлично знаем: у вас есть тайны, которые вы мне не открываете.

Ей захотелось возразить: некоторые тайны остаются тайнами и для нее самой. Она плотно сжала губы.

– Вы не можете насильно увезти меня из Лондона, – наконец сказала она, понимая, что тем самым лишь усиливает его подозрения.

– Нет, могу. Как вы мне помешаете? Молодых женщин то и дело похищают, правда, им редко предоставляют такие хорошие условия. Что вы сделаете – побежите в суд и пожалуетесь на виконта Стейнгейта? Заявите, что я вчера силой привез вас к себе домой, заставил пить чай и вести беседу с моей сестрой и ее компаньонкой? А потом вы с аппетитом поужинали и без единого звука позволили служанке подоткнуть вам одеяло… Судьи просто в ужас придут от такого зверства!

– Вы решили поиздеваться надо мной, милорд. – Нелл посмотрела на него в упор. – Да, теперь я понимаю, какой дурой была, что осталась, и теперь выйду отсюда через парадную дверь. Что вы тогда сделаете?

Маркус пожал плечами:

– Если попробуете бежать, придется затолкать вас в закрытую карету, увезти в Стейнгейт, запереть там и охранять, но ведь вы не совершите такой глупости, правда, Нелл? – В глазах его уже не было веселости. – Думаю, тогда у вас все-таки появится повод жаловаться. Но как вы думаете, кому из нас поверит судья? А может, вы предпочитаете вернуться домой без охраны, надеясь, что ваш таинственный незнакомец про вас забыл? На мою помощь не рассчитывайте, я уеду за город…

Напомнив ей о неравенстве их положения, он лишь подлил масла в огонь.

– Вы считаете, что веревка была не просто глупой шуткой? – спросила Нелл, с трудом взяв себя в руки. – По-вашему, Салтертон вовсе не хотел, чтобы лорд Нарборо принял веревку за змею? За всем этим кроется нечто другое, и вы, я уверена, что-то подозреваете.

Маркус молчал так долго, что Нелл забеспокоилась. Наконец, он мрачно произнес:

– Возможно, я и ошибаюсь, но, если я прав, веревка напоминает об одной старой истории, о кошмаре, который давно следует забыть. По-моему, и вам что-то известно…

Должно быть, он заметил, как ее всю передернуло, потому что вдруг напрягся, словно читал ее мысли. Проницательные серые глаза подернулись поволокой; он понял, что попал в яблочко. *Старый кошмар… Да, именно это во мне всколыхнулось. Но ведь сюда я попала совершенно случайно? Если нет, если Салтертон знает, кто я такая, – тогда ему известно и мое настоящее имя. Он знает о моем прошлом больше меня!*

– Вы боитесь. – Он не спрашивал, а утверждал.

– Да, – призналась она. – Не люблю тайн. Не люблю неуверенности. А того человека я почему-то боюсь… – *И вас боюсь, и ваших родных, потому что мама выговаривала ваше имя с ненавистью. Но вы все отнеслись ко мне по-доброму, и я уже не знаю, чему верить*. Правда, человека, который перед ней сидел, никак нельзя было назвать добрым. Он держался властно, был вспыльчивым, слишком мужественным – и все же… – И мне не нравится то, что я вас не понимаю, – сухо закончила она, вызвав еще один его смешок. – Не желаю, чтобы меня похищали!

– Нелл, поймите же, со мной вам ничто не грозит!

Ничто? Возможно, ей не грозит опасность со стороны Салтертона. А со стороны самого Маркуса Карлоу? Почему он так заботится о ее безопасности? Он тоже что-то недоговаривает…

– Маркус, у нас с вами разные понятия о безопасности. – Как легко она выговорила его имя! И все же… Ей все сильнее хотелось поехать в загородное поместье – очутиться в большом доме, где кругом знакомые люди, а всех чужаков видно издалека.

Нелл внушала себе: она уедет всего на несколько недель, а потом вернется к прежней жизни. Но ее прежняя жизнь холодна, одинока, сурова и небезопасна. И она снова останется совершенно одна. Может, и правда поехать – совсем ненадолго? Хуже, чем есть, ей вряд ли будет. Или?..

– Хорошо, я поеду, – согласилась она.

– Благодарю вас. Попозже, когда мисс Прайс вернется, мы поедем за вашими пожитками. – Из холла послышались голоса, девичий смех. – По-моему, она как раз вернулась.

Путешествие на Дорсет-стрит нельзя было назвать скучным с самого начала. Едва усевшись в карете, мисс Прайс вскрикнула и извлекла из-под юбок маленький пистолет:

– Боже мой, что это?!

– А… – Маркус забрал у нее пистолет и сунул его в карман. – Оружие разбойника.

– У вашего разбойника неплохой вкус. Пистолет дамский, к тому же недешевый – рукоятка из слоновой кости, – заметила мисс Прайс, успокоившись.

– Несомненно, пистолет украден у предыдущей жертвы, – ответил Маркус.

Остаток пути прошел в оживленной беседе; Нелл поняла, что, хотя мисс Прайс всего лишь служит в доме Маркуса, они давние друзья и вместе им интересно.

Маркусу наверняка легче оттого, что его сестры под надежным присмотром, в то время как мать вынуждена ухаживать за больным мужем. Глядя на опрятное платье мисс Прайс, обдумывая ее положение, Нелл невольно позавидовала компаньонке.

Ей самой и в голову не приходило искать подобное место, хотя именно так поступила Розалинда. Нелл стало больно. Что с сестрой? Возможно, она могла бы устроиться на такое же место, но в то время мама нуждалась в ее заботах. Им пришлось очень тяжело – они остались совершенно одни. Потом мама умерла, и Нелл поступила на первое же подвернувшееся место, решив зарабатывать на жизнь скромным, но честным трудом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.